

РЕШЕНИЕ

Совета Адвокатской палаты Санкт-Петербурга по дисциплинарному производству № в отношении адвоката Н.

27.03.2025

г. Санкт-Петербург

Совет Адвокатской палаты Санкт-Петербурга (далее также – Совет АП СПб и АП СПб, соответственно) в составе первого вице-президента АП СПб Саськова К.Ю. (председатель), вице-президентов АП СПб Пановой В.С., Семеняко М.Е., Тимофеевой Т.В., членов Совета Манкевича А.Е., Пальмского А.А., Подпригоры Д.А., Пономаревой Н.В., Чангли А.И. (участвовали очно), вице-президента АП СПб Пашинского М.Л. (участвовал дистанционно посредством использования сервиса видеоконференций «SaluteJazz») в соответствии с положениями ст.ст. 24, 25 Кодекса профессиональной этики адвоката (далее также – КПЭА), рассмотрев 27.03.2025 в закрытом заседании дисциплинарное производство в отношении адвоката Н. (регистрационный номер в Едином государственном реестре адвокатов), возбуждённое 24.05.2024 президентом АП СПб Тенишевым В.Ш.,

установил:

поводом для возбуждения дисциплинарного производства в отношении адвоката Н. послужила жалоба С.Е.Ю., поступившая в АП СПб 15.05.2024; в Квалификационную комиссию АП СПб (далее – Квалифкомиссия) материалы дисциплинарного дела поступили 03.06.2024.

В соответствии с заключением Квалифкомиссии от 26.09.2024 адвокатом Н. допущено нарушение взаимосвязанных требований:

(1) - подп. 5 п. 4 ст. 6 КПЭА: *«Адвокат не вправе разглашать сведения, сообщенные ему доверителем в связи с оказанием последнему юридической помощи, без согласия доверителя»;*

- п. 1 ст. 8 Закона об адвокатуре: *«Адвокатской тайной являются любые сведения, связанные с оказанием адвокатом юридической помощи своему доверителю»;*

- п.п. 1-5 ст. 6 КПЭА: *«1. Доверия к адвокату не может быть без уверенности в сохранении профессиональной тайны. Профессиональная тайна адвоката (адвокатская тайна) обеспечивает иммунитет доверителя, предоставленный последнему Конституцией Российской Федерации.*

2. Соблюдение профессиональной тайны является безусловным приоритетом деятельности адвоката. Срок хранения тайны не ограничен во времени.

3. Адвокат не может быть освобожден от обязанности хранить профессиональную тайну никем, кроме доверителя. Согласие доверителя на прекращение действия адвокатской тайны должно быть выражено в письменной форме в присутствии адвоката в условиях, исключающих воздействие на доверителя со стороны адвоката и третьих лиц.

4. Без согласия доверителя адвокат вправе использовать сообщенные ему доверителем сведения в объеме, который адвокат считает разумно необходимым для обоснования своей позиции при рассмотрении гражданского спора между ним и доверителем или для своей защиты по возбужденному против него дисциплинарному производству или уголовному делу.

5. Правила сохранения профессиональной тайны распространяются на:

- факт обращения к адвокату, включая имена и названия доверителей;
- все доказательства и документы, собранные адвокатом в ходе подготовки к делу;
- сведения, полученные адвокатом от доверителей;
- информацию о доверителе, ставшую известной адвокату в процессе оказания юридической помощи;
- содержание правовых советов, данных непосредственно доверителю или ему предназначенных;
- все адвокатское производство по делу;
- условия соглашения об оказании юридической помощи, включая денежные расчеты между адвокатом и доверителем;
- любые другие сведения, связанные с оказанием адвокатом юридической помощи.»;
- подп. 10 п. 1 ст. 9 КПЭА: «Адвокат не вправе оказывать юридическую помощь в условиях конфликта интересов доверителей, предусмотренного статьей 11 настоящего Кодекса.»;
- п. 3 ст. 10 КПЭА: «Адвокат не должен принимать поручение, если его исполнение будет препятствовать исполнению другого, ранее принятого поручения.»;
- п. 1 ст. 11 КПЭА: «Адвокат не вправе быть советником, защитником или представителем нескольких сторон в одном деле, чьи интересы противоречат друг другу, а может лишь способствовать примирению сторон.».

Нарушение выразилось в следующем.

09.03.2024 между адвокатом Н. и С.Е.Ю. было заключено соглашение об оказании юридической помощи № 09/03/24.

В соответствии с п. 1.1 соглашения адвокат Н. принял к исполнению поручение доверителя об оказании квалифицированной юридической помощи С.Е.Ю. в связи с исковым заявлением прокурора Петродворцового района Санкт-Петербурга в защиту интересов М.М.А. о признании сделки недействительной.

Прокурор Петродворцового района Санкт-Петербурга в защиту интересов М.М.А. обратился в Петродворцовый районный суд с иском к С.Е.Ю., В.Н.А., В.В.С. о признании сделки недействительной, о применении последствий ничтожной сделки, указав, что М.М.А. с 21.03.2023 постоянно проживает в доме престарелых и инвалидов, в собственности у М.М.А. находилась квартира, которая на основании договора купли-продажи была продана М.М.А., в лице С.Е.Ю., действующей на основании доверенности от 20.05.2023, ответчикам В.

Во исполнение поручения доверителя, 18.03.2024 адвокат Н. представлял интересы С.Е.Ю. в судебном заседании Петродворцового районного суда г. Санкт-Петербурга по указанному гражданскому делу.

25.03.2024 С.Е.Ю. уведомила адвоката через мессенджер WhatsApp¹ об

¹ Принадлежит компании Meta, которая признана экстремистской и запрещена в РФ.

одностороннем отказе от исполнения соглашения об оказании юридической помощи.

15.04.2024 адвокат Н. заключил с В.В.С. соглашение об оказании юридической помощи В.В.С. и В.Н.А. на представление интересов доверителей по этому же гражданскому делу № , где они, также как и С.Е.Ю., являются ответчиками.

22.04.2024 он принимал участие в судебном заседании по гражданскому делу № уже в качестве представителя не заявителя С.Е.Ю., а супругов В.

Адвокатом Н. в судебном заседании 22.04.2024 в интересах В. было поддержано ходатайство о принятии встречного искового заявления от В.В.С. и В.Н.А. к С.Е.Ю. и М.М.А.

(2) взаимосвязанных положений:

- подп. 1 п. 1 ст. 7 Закона об адвокатуре: *«Адвокат обязан честно, разумно и добросовестно отстаивать права и законные интересы доверителя всеми не запрещенными законодательством Российской Федерации средствами»;*

- подп. 1 ст. 8 КПЭА: *«При осуществлении профессиональной деятельности адвокат обязан честно, разумно, добросовестно, квалифицированно, принципиально и своевременно исполнять свои обязанности, активно защищать права, свободы и интересы доверителей всеми не запрещенными законодательством средствами, руководствуясь Конституцией Российской Федерации, законом и настоящим Кодексом»;*

- п. 6 ст. 10 КПЭА: *«... адвокат должен ... при отмене или по исполнении поручения предоставить доверителю по его просьбе отчет о проделанной работе».*

Нарушение выразилось в том, что при отмене указанного выше поручения адвокат Н. не предоставил доверителю отчет о проделанной работе.

(3) взаимосвязанных положений:

- п. 2 ст. 5 КПЭА: *«2. Адвокат должен избегать действий (бездействия), направленных к подрыву доверия к нему или к адвокатуре».*

- подп. 2 ст. 8 КПЭА: *«При осуществлении профессиональной деятельности адвокат обязан уважать права, честь и достоинство лиц, обратившихся к нему за оказанием юридической помощи, доверителей, коллег и других лиц, придерживаться манеры поведения и стиля одежды, соответствующих деловому общению».*

Нарушение выразилось в следующем.

Действия адвоката Н. при описанных выше обстоятельствах носят умышленный и грубый характер, демонстрируют очевидное пренебрежение правами и законными интересами доверителя С.Е.Ю.

Кроме того, указанные действия адвоката Н. направлены к подрыву доверия как к нему самому, так и к институту независимой адвокатуры.

Участники дисциплинарного производства в порядке, предусмотренном п. 3 ст. 24 КПЭА, письменных заявлений о несогласии с заключением Квалифкомиссии или его поддержке в Совет АП СПб не направили.

Участники дисциплинарного производства о назначении разбирательства в Совете

АП СПб на 27.03.2025 были извещены надлежащим образом.

Заявитель С.Е.Ю. на заседание не явилась, представителя не направила, об отложении слушания дела не ходатайствовала.

Адвокат Н. на заседание явился, пояснил, что с заключением Квалифкомиссии он не знаком, на электронную почту его не получал; при этом подтвердил правильность адреса электронной почты, по которому с ним осуществлялась коммуникация в рамках настоящего дисциплинарного производства; сделал предположение о некорректной работе электронной почты; он изучал разъяснения ФПА РФ и сделал вывод, что конфликта интересов доверителей в данном случае не имеется; допускает, что мог неверно истолковать соответствующие этические нормы; выслушав доклад по дисциплинарному производству, не согласен с выводами Квалифкомиссии; полагает, что поскольку и С.Е.Ю., и В. были ответчиками по делу, их интересы не противоречили друг другу, поэтому конфликт интересов отсутствовал; встречное исковое заявление к С.Е.Ю. было подписано не им, а другим представителем В.

Рассмотрев материалы дисциплинарного производства, выслушав адвоката, изучив заключение Квалифкомиссии, **Совет АП СПб приходит к следующему.**

Квалифкомиссия установила, что 09.03.2024 между адвокатом Н. и С.Е.Ю. было заключено соглашение об оказании юридической помощи № 09/03/24.

В соответствии с п. 1.1 соглашения адвокат принял к исполнению поручение доверителя об оказании квалифицированной юридической помощи С.Е.Ю. в связи с исковым заявлением прокурора Петродворцового района г. Санкт-Петербурга в защиту интересов М.М.А. о признании сделки недействительной.

Согласно п. 1.2 соглашения характер юридической помощи заключается в следующем:

- защита прав и законных интересов С.Е.Ю. в Петродворцовом районном суде г. Санкт-Петербурга по гражданскому делу № по иску прокурора Петродворцового района Санкт-Петербурга в защиту интересов М.М.А. о признании сделки недействительной;

- юридическая помощь, помимо непосредственного представления интересов С.Е.Ю., также включает в себя ознакомление и изучение всех требуемых материалов, разработку правовой позиции, сбор необходимых доказательств, подготовку и получение требуемых претензионных, исковых и иных процессуальных документов, включая письменные заявления, возражения, объяснения, жалобы, замечания, ходатайства и т.п., участие во всех судебных заседаниях по гражданскому делу № , а также иные необходимые действия, направленные на достижение необходимого результата в рамках соглашения.

Вознаграждение адвоката за исполнение поручения согласовано сторонами в размере 200 000 руб., которые выплачиваются доверителем в день подписания соглашения (п. 2.1 соглашения).

Дополнительно стороны согласовали размер «гонорара успеха» (п. 2.2) и размер неустойки, подлежащей оплате при нарушении доверителем сроков оплаты вознаграждения (п. 2.3).

Из материалов дисциплинарного производства следует, что прокурор

Петродворцового района Санкт-Петербурга в защиту интересов М.М.А. обратился в Петродворцовый районный суд Санкт-Петербурга с иском к С.Е.Ю., В.Н.А., В.В.С. о признании сделки недействительной, о применении последствий ничтожной сделки. В обосновании требований указал, что М.М.А. с 21.03.2023 постоянно проживает в доме престарелых и инвалидов; в собственности у М.М.А. находилась квартира, которая на основании договора купли-продажи была продана М.М.А., в лице С.Е.Ю., действующей на основании доверенности от 20.05.2023, ответчикам В. Ссылаясь на ст.ст. 177, 166, 167 ГК РФ и полагая, что М.М.А. на момент совершения сделки не мог понимать значения своих действий и руководить ими, прокурор в интересах М.М.А. просит признать доверенность от 20.05.2023, выданную М.М.А. на имя С.Е.Ю. недействительной, договор купли-продажи квартиры от 28.06.2023 недействительным; применив последствия, отменить государственную регистрацию права собственности В. на спорную квартиру, истребовать квартиру из чужого незаконного владения.

Во исполнение поручения доверителя, 18.03.2024 адвокат Н. представлял интересы С.Е.Ю. в судебном заседании Петродворцового районного суда г. Санкт-Петербурга по указанному гражданскому делу.

Как указывает адвокат Н., 25.03.2024 С.Е.Ю. уведомила его через мессенджер WhatsApp об одностороннем отказе от исполнения соглашения об оказании юридической помощи.

Материалами дисциплинарного производства подтверждено, что 03.04.2024 С.Е.Ю. в адрес Юго-Западной коллегии адвокатов «Гарант» г. Санкт-Петербурга направила адвокату Н. заявление об отмене поручения с требованием предоставить документ, подтверждающий объём выполненной работы; удержать из оплаченного вознаграждения сумму, соразмерную выполненной адвокатом работе, и возратить в течение 3 (трёх) календарных дней со дня получения настоящего заявления остаток вознаграждения доверителю по указанным в заявлении реквизитам. Это подтверждается описью вложения в ценное письмо (РПО №) и почтовой квитанцией.

Данное заявление адвокат Н. проигнорировал, на требования доверителя С.Е.Ю. не ответил.

15.04.2024 адвокат Н. заключил с В.В.С. соглашение об оказании юридической помощи В.В.С. и В.Н.А. на представление интересов доверителей по этому же гражданскому делу № , где они, также как и С.Е.Ю., являются ответчиками.

Как следует из доводов жалобы и подтверждается самим адвокатом Н., 22.04.2024 он принимал участие в судебном заседании по гражданскому делу № уже в качестве представителя не заявителя С.Е.Ю., а супругов В.

Заявитель указывает, что адвокатом Н. в судебном заседании 22.04.2024 в интересах В. было заявлено ходатайство о принятии встречного искового заявления от В.В.С. и В.Н.А. к С.Е.Ю. и М.М.А.

Из встречного заявления следует, что В. к С.Е.Ю. заявлены требования о признании недействительной доверенности, выданной ей М.М.А. 20.05.2023, взыскании со С.Е.Ю. денежной суммы в размере 6 500 000 руб., уплаченной по договору купли-продажи квартиры, убытков в виде разницы между ценой договора и настоящей рыночной стоимостью в размере 1 331 000 руб., убытков в виде процентов по кредитному договору в размере 400 821,43 руб., процентов в порядке ст. 395 ГК РФ в размере 729 791,53 руб., признании договора дарения денежных средств в размере 6 500 000 руб., заключённого

между М.М.А. и С.Е.Ю. недействительным и др.

Кроме того, во встречном исковом заявлении содержится заявление о применении мер по обеспечению иска в виде наложения ареста на имущество С.Е.Ю. в пределах цены иска – 7 831 000 руб., а также запрета на выезд С.Е.Ю. за пределы РФ.

Встречное исковое заявление подписано представителем В. по доверенности Я.С.О.

Адвокатом Н. претензии о подаче встречного искового заявления против своего бывшего доверителя не признаются. Возражая против таких доводов, адвокатом указывается, что данное ходатайство было без согласования с адвокатом заявлено другим представителем супругов В. – Я.С.О.

Квалифкомиссия верно отметила, что вопреки позиции адвоката, из определения Петродворцового районного суда г. Санкт-Петербурга от 27.05.2024 по делу № о принятии встречного иска в части требований следует, что представитель по доверенности В. адвокат Н. в суд явился, просил принять встречный иск и отсрочить уплату государственной пошлины.

Также из определения Петродворцового районного суда г. Санкт-Петербурга от 27.05.2024 по делу № о частичном удовлетворении заявления В. о принятии обеспечительных мер в виде наложения ареста на денежные средства С.Е.Ю. следует, что представитель по доверенности В. адвокат Н. в суд явился, заявление поддержал.

По версии адвоката Н., во избежание конфликта интересов, 22.04.2024 соглашение между ним (адвокатом Н.) и В.В.С. было расторгнуто.

Из представленного адвокатом соглашения № 22/04/24 от 22.04.2024 следует, что стороны договорились расторгнуть соглашение об оказании юридической помощи В.В.С. и В.Н.А. от 15.04.2024 (п. 1), датой расторжения считать 22.04.2024 (п. 2).

1. Рассматривая дисциплинарные претензии о принятии адвокатом к исполнению поручения процессуальных оппонентов заявителя – В.В.С. и В.Н.А., о заявлении адвокатом ходатайства о принятии встречного иска В. к С.Е.Ю., об использовании документов, полученных при оказании юридической помощи С.Е.Ю., Квалифкомиссия исходила из следующего.

В соответствии с подп. 10 ст. 9 КПЭА адвокат не вправе оказывать юридическую помощь в условиях конфликта интересов доверителей, предусмотренного ст. 11 настоящего Кодекса. В свою очередь, п. 1 ст. 11 КПЭА прямо запрещает адвокату быть советником, защитником или представителем нескольких сторон в одном деле, чьи интересы противоречат друг другу, а может лишь способствовать примирению сторон.

Давая оценку выдвинутым дисциплинарным претензиям, Квалифкомиссия верно отметила, что отношения, складывающиеся между адвокатом и лицом, которому он оказывает квалифицированную правовую помощь, носят доверительный (фидуциарный) характер, и совершение адвокатом юридически значимых действий в интересах своего доверителя основано на особых, лично-доверительных отношениях.

Доверительность отношений между адвокатом и лицом, которому он оказывает квалифицированную юридическую помощь, обусловлена тем, что в процессе оказания юридической помощи адвокат получает доступ к сведениям и документам о личной жизни доверителя.

Доверия к адвокату не может быть без уверенности в сохранении профессиональной тайны. Профессиональная тайна адвоката (адвокатская тайна)

обеспечивает иммунитет доверителя, предоставленный последнему Конституцией Российской Федерации (п. 1 ст. 6 КПЭА).

Согласно п. 1 ст. 8 Федерального закона «Об адвокатской деятельности и адвокатуре в Российской Федерации» (далее – Закон об адвокатуре) адвокатской тайной являются любые сведения, связанные с оказанием адвокатом юридической помощи своему доверителю.

В соответствии с п. 5 ст. 6 КПЭА правила сохранения профессиональной тайны распространяются на: факт обращения к адвокату, включая имена и названия доверителей; все доказательства и документы, собранные адвокатом в ходе подготовки к делу; сведения, полученные адвокатом от доверителей; информацию о доверителе, ставшую известной адвокату в процессе оказания юридической помощи; содержание правовых советов, данных непосредственно доверителю или ему предназначенных; все адвокатское производство по делу; условия соглашения об оказании юридической помощи, включая денежные расчеты между адвокатом и доверителем; любые другие сведения, связанные с оказанием адвокатом юридической помощи.

В силу положений подп. 5 п. 4 ст. 6 Закона об адвокатуре, адвокат не вправе разглашать сведения, сообщённые ему доверителем в связи с оказанием последнему юридической помощи, без согласия доверителя.

Согласно п. 3 ст. 6 КПЭА адвокат не может быть освобождён от обязанности хранить профессиональную тайну никем, кроме доверителя. Согласие доверителя на прекращение действия адвокатской тайны должно быть выражено в письменной форме в присутствии адвоката в условиях, исключающих воздействие на доверителя со стороны адвоката и третьих лиц. Срок хранения тайны не ограничен во времени (п. 2 ст. 6 КПЭА).

В соответствии с подп. 2 п. 4 ст. 6 Закона об адвокатуре адвокат не вправе принимать от лица, обратившегося к нему за оказанием юридической помощи, поручение в случае, если он оказывает юридическую помощь доверителю, интересы которого противоречат интересам данного лица.

Из ст. 1 КПЭА следует, что Кодекс устанавливает обязательные для каждого адвоката правила поведения при осуществлении адвокатской деятельности, основанные на нравственных критериях и традициях адвокатуры, на международных стандартах и правилах адвокатской профессии, а также основания и порядок привлечения адвоката к ответственности.

Адвокаты вправе в своей деятельности руководствоваться нормами и правилами Общего кодекса правил для адвокатов стран Европейского Сообщества постольку, поскольку эти правила не противоречат законодательству об адвокатской деятельности и адвокатуре и положениям Кодекса.

Согласно Общему кодексу правил для адвокатов стран Европейского сообщества (принят 28.10.1988 Советом адвокатур и юридических ассоциаций Европы в Страсбурге) доверительные отношения между адвокатом и клиентом могут возникнуть лишь в случае отсутствия у последнего сомнений относительно порядочности, честности и добросовестности адвоката (п. 2.2); особенность профессии адвоката заключается в том, что он получает от клиента сведения, которые тот не станет сообщать какому-либо другому лицу, а также другую информацию, которую ему следует сохранять в тайне. Доверие к адвокату может возникнуть лишь при условии обязательного соблюдения им принципа конфиденциальности.

Таким образом, конфиденциальность является первостепенным и

фундаментальным правом и обязанностью адвоката (п. 2.3.1); адвокат обязан в одинаковой степени сохранять в тайне как сведения, полученные им от клиента, так и информацию о клиенте, предоставленную ему в процессе оказания услуг клиенту (п. 2.3.2); на обязанность соблюдения конфиденциальности не распространяется действие срока давности (п. 2.3.3); адвокат также обязан воздержаться от обслуживания нового клиента, если это чревато возникновением угрозы нарушения конфиденциальности сведений, доверенных ему прежним клиентом, или если находящаяся в распоряжении адвоката информация о состоянии дел прежнего клиента способна стать источником преимуществ для нового клиента (п. 3.2.3).

Кроме того, Хартия основных принципов европейских юристов, принятая на VI Петербургском международном юридическом форуме 19.05.2019, относит к основным принципам, составляющим исходное положение и основу адвокатской профессии, предотвращение конфликта интересов разных клиентов и клиента и юриста (с), а обозначенный Кодекс называет личную честь, добропорядочность и честность профессиональными обязанностями юриста (ст. 2.2).

Смысл и содержание данных профессионально-этических норм допускают их системное толкование и, в частности, применение к отношениям, складывающимся между адвокатом и его бывшим доверителем после прекращения (расторжения, окончания) действия соглашения об оказании правовой помощи. В пользу такого толкования свидетельствует и содержание п. 2 ст. 6 КПЭА, в соответствии с которым срок хранения адвокатской тайны не ограничен во времени и не привязан к сроку действия соглашения.

Совет АП СПб соглашается с выводами Квалифкомиссии, что, представляя интересы супругов В., адвокат Н. выступал в суде в качестве процессуального противника С.Е.Ю., которой ранее оказывал юридическую помощь.

Квалифкомиссии верно отметила, что органы адвокатского самоуправления неоднократно обращали внимание на ситуации, связанные с конфликтом интересов. Так, из Обзора дисциплинарной практики АП СПб за июль-декабрь 2020 г. следует, что «Вне зависимости от реальности разглашения адвокатской тайны, в подобной ситуации бывший доверитель находится в состоянии обоснованного опасения разглашения или использования конфиденциальных сведений, полученных от него адвокатом, а новый доверитель вправе рассчитывать на то, что его интересы будут защищены квалифицированно, принципиально и добросовестно».

Уже самого факта наличия у адвоката сведений, полученных от его бывшего доверителя в рамках исполнения соглашения, безусловно достаточно для потенциального конфликта интересов с новым доверителем, выступающим в качестве процессуального оппонента по отношению к доверителю бывшему. В данном случае адвокат сталкивается с неразрешимым функциональным противоречием между обязанностью хранить адвокатскую тайну (по отношению к прежнему доверителю) и обязанностью всеми не запрещенными законом средствами защищать права нового доверителя.

При этом бывший доверитель осознаёт факт обладания адвокатом такой информацией и вправе ожидать, что она может стать явно или подразумеваемо средством шантажа такого доверителя, источником постоянных опасений разглашения адвокатом этой информации. Это может существенно ослабить волю бывшего доверителя защищать свою позицию. Если же адвокат не будет использовать имеющуюся у него информацию (что само по себе на практике немислимо), то он нарушит свои обязательства перед обратившимся лицом – честно и добросовестно защищать его интересы, поскольку в этом

случае адвокат не будет использовать все свои возможности для защиты интересов доверителя.

Под конфликтом интересов доверителей адвоката подразумевается такое положение, при котором достаточно чётко и внятно сформулированные, обозначенные во вне интересы (правопритязания, правовые цели, иные обоснованные устремления) двух и/или более действующих и/или прежних (бывших) доверителей одного адвоката прямо противоречат друг другу или имеют иную степень разнонаправленности.

При таком положении профессиональный советник по правовым вопросам адвокат Н. не мог не осознавать факта наличия как реального, так и потенциального конфликта интересов между доверителями. Игнорируя эти обстоятельства, Н. нарушил требования упомянутых взаимосвязанных этических норм.

С момента заключения соглашения об оказании юридической помощи со С.Е.Ю. адвокат Н. был также осведомлён о её материально-правовом интересе при рассмотрении гражданского дела, поскольку к ней были заявлены требования (о признании доверенности и сделки недействительными), основанные на пороке воли, представляемого С.Е.Ю. по доверенности лица – продавца спорной недвижимости.

Такие же требования были заявлены и к покупателям недвижимости – супругам В., которые считали себя добросовестными приобретателями спорной квартиры. Из указанных фактических обстоятельств спора следует, что в случае удовлетворения исковых требований прокурора, спорная квартира будет истребована от приобретателей В. в пользу М.М.А., что, в свою очередь, приведёт к требованию о взыскании денежных средств, оплаченных по договору купли-продажи, заключённому с М.М.А., в лице представителя по доверенности С.Е.Ю.

В соответствии п. 1 ст. 18 КПЭА состав дисциплинарного проступка образует нарушение адвокатом законодательства об адвокатской деятельности и адвокатуре, совершенное умышленно или по грубой неосторожности. Применительно к дисциплинарному проступку, который заключается в оказании юридической помощи доверителям в условиях конфликта интересов, это означает, что адвокат на основании сведений, которыми он располагал либо должен был располагать, мог и должен был вне разумных сомнений установить наличие конфликта интересов его доверителей.

Профессиональный советник по правовым вопросам, каковым является адвокат Н., не мог не понимать, что у С.Е.Ю. (представителя продавца) и супругов В. (покупателей) имеется различный материально-правовой интерес в гражданском споре.

Ввиду вышеизложенного подлежат отклонению доводы адвоката Н. о том, что при заключении соглашения с В. адвокат полагал, что в позициях С.Е.Ю. и В. отсутствует конфликт интересов.

Квалифкомиссия справедливо отметила, что поскольку адвокат Н. оказывал юридическую помощь С.Е.Ю. в соответствии с соглашением об оказании юридической помощи от 09.03.2024, очевидно, что адвокат имел доступ к широкому кругу сведений о доверителе, составляющих профессиональную (адвокатскую) тайну, в том числе о её имуществе и обязательствах: об условиях заключённого договора купли-продажи; взаиморасчетах между сторонами; условиях выдачи доверенности; взаимоотношениях между продавцом М.М.А. и его доверенным лицом С.Е.Ю. и др.

При этом адвокат во всех случаях не мог впоследствии использовать полученные таким образом сведения против интересов своего доверителя С.Е.Ю., в том числе и после

одностороннего отказа С.Е.Ю. от исполнения соглашения об оказании юридической помощи.

На основании анализа материалов дисциплинарного производства Квалифкомиссия установила, что, приняв поручение В. по соглашению от 15.04.2024, адвокат Н., представляя их интересы в Петродворцовом районном суде г. Санкт-Петербурга, подал в суд встречное исковое заявление к своему бывшему доверителю С.Е.Ю.

Совет АП СПб разделяет мнение Квалифкомиссии, что применительно к установленным обстоятельствам имело место недвусмысленно обозначенное противоречие (явное несовпадение) интересов доверителей адвоката Н. – С.Е.Ю. и супругов В., о котором адвокат безусловно не мог не знать. Однако несмотря на свою осведомлённость о явном или потенциальном конфликте интересов доверителей, адвокат Н. осознанно принял к исполнению поручение В., создающее для него состав дисциплинарного проступка, предусмотренного подп. 10 п. 1 ст. 9 и п. 1 ст. 11 КПЭА.

Вместе с этим Совет АП СПб находит необоснованной квалификацию действий адвоката Н. по п. 3 ст. 10 КПЭА. Указанная норма запрещает адвокату принимать поручение, если его исполнение будет препятствовать исполнению другого, ранее принятого поручения.

Между тем, как было установлено Квалифкомиссией, адвокат Н. соглашение об оказании юридической помощи В. заключил 15.04.2024. К этому времени С.Е.Ю. уведомила адвоката через мессенджер WhatsApp об одностороннем отказе от исполнения соглашения об оказании юридической помощи (25.03.2024).

Поэтому принятие адвокатом поручения от В. не могло препятствовать исполнению ранее принятого поручения от С.Е.Ю., к этому времени последнее адвокатом уже не исполнялось.

Квалифкомиссия пришла к правомерному выводу, что, принимая поручение на защиту прав и законных интересов В., адвокат Н. должен был удостовериться, что принимаемое поручение не вступит в противоречие с интересами его бывшего доверителя С.Е.Ю.

Однако Совет АП СПб критически относится к выводам Квалифкомиссии, что адвокат Н. не только принял поручение супругов В. и фактически оказывал им юридическую помощь в условиях конфликта интересов, но и разработал правовую позицию по иску к С.Е.Ю. с использованием сведений, составляющих профессиональную (адвокатскую) тайну. В обоснование этого суждения Квалифкомиссия, в нарушение положений абз. 4 п. 14 ст. 23 КПЭА, не привела соответствующие доказательства.

Квалифкомиссия верно отметила, что обязанность адвоката состоит в том, чтобы воздерживаться от оказания юридической помощи новому доверителю, если это нарушает конфиденциальность сведений, доверенных ему прежним доверителем, или создаёт риск такого нарушения; при этом сведения, доверенные адвокату одним доверителем, не могут служить для другого доверителя источником для получения преимуществ, и адвокат не может представлять лицо, интересы которого противоположны интересам его доверителя или бывшего доверителя.

При этом Квалифкомиссия сослалась на п. 7 Рекомендаций по обеспечению адвокатской тайны и гарантий независимости адвоката при осуществлении адвокатами профессиональной деятельности, утверждённых Советом Федеральной палаты адвокатов

Российской Федерации 30.11.2009 (протокол № 3; с изменениями от 28.09. 2016, протокол № 7 и от 05.10.2017, протокол № 5), согласно которому, даже если действие режима адвокатской тайны прекращено самим доверителем, это не должно открывать возможности для причинения бывшему доверителю какого-либо вреда, связанного с использованием информации, ранее составлявшей предмет адвокатской тайны.

Вместе с тем Квалифкомиссия не указала в заключении, какая именно информация, составляющая (или ранее составлявшая) предмет адвокатской тайны, была использована адвокатом Н. в интересах В. и против интересов бывшего доверителя С.Е.Ю.

При таких обстоятельствах Совет АП СПб признаёт, что виновное поведение адвоката Н., связанное с нарушением режима адвокатской тайны, в ходе дисциплинарного разбирательства не установлено, поэтому исключает из применённой Квалифкомиссией квалификации нарушения ссылку на подп. 5 п. 4 ст. 6 и п. 1 ст. 8 Закона об адвокатуре, а также п.п. 1-5 ст. 6 КПЭА.

Совет АП СПб считает презумпцию добросовестности адвоката Н. опровергнутой в части дисциплинарных претензий, связанных с оказанием юридической помощи В. в условиях конфликта интересов, а его вину в совершении дисциплинарного проступка – доказанной.

Действия адвоката Н. в этой части Совет АП СПб оценивает как умышленное нарушение подп. 10 п. 1 ст. 9 и п. 1 ст. 11 КПЭА.

2. Рассматривая дисциплинарные претензии о нарушении адвокатом Н. требований п. 6 ст. 10 КПЭА, Квалифкомиссия обоснованно исходила из следующего.

Согласно п. 6 ст. 10 КПЭА при отмене поручения адвокат должен незамедлительно вернуть доверителю все полученные от последнего подлинные документы по делу и доверенность, а также при отмене или по исполнению поручения – предоставить доверителю по его просьбе отчёт о проделанной работе.

Материалами дисциплинарного производства установлено, что 03.04.2024 С.Е.Ю. в адрес адвокатского образования – Юго-Западной коллегии адвокатов «Гарант» г. Санкт-Петербурга (в котором адвокат Н. осуществлял свою деятельность) направила для адвоката Н. заявление об отмене поручения с требованием предоставить документ, подтверждающий объём выполненной работы, удержать из оплаченного вознаграждения сумму, соразмерную выполненной адвокатом работе и вернуть в течение трёх календарных дней со дня получения настоящего заявления остаток вознаграждения доверителю по указанным в заявлении реквизитам. Это подтверждается описью вложения в ценное письмо (РПО №) и почтовой квитанцией.

Из заявления об отмене поручения следует, что заявителем, не являющимся профессиональной стороной правоотношения, выдвигается требование о предоставлении отчёта о проделанной работе, поименованного в тексте как «документ, подтверждающий объём выполненной работы».

Требования доверителя адвокатом Н. были проигнорированы.

Вопреки доводам адвоката об отсутствии требований о предоставлении отчёта о проделанной работе, из отчёта об отслеживании почтового отправления, размещённого на сайте Почты России, усматривается, что корреспонденция не была получена адресатом, письмо было возвращено отправителю в связи с истечением срока хранения.

Квалифкомиссия верно отметила, что из преамбулы соглашения от 09.03.2024 следует, что сторонами соглашения являются С.Е.Ю. и адвокат Юго-Западной коллегии

адвокатов «Гарант» г. Санкт-Петербурга Н. Сведений о порядке коммуникаций между сторонами соглашения, адресов, каких-либо реквизитов соглашение не содержит. При таких обстоятельствах Квалифкомиссия обоснованно исходила из того, что доступным доверителю адресом коммуникации с адвокатом Н. являлся адрес адвокатского образования, в котором адвокат осуществляет свою деятельность. Сведений о том, что стороны пришли к соглашению о коммуникации иным способом, материалы дисциплинарного производства не содержат.

Адвокат Н. самостоятельно распорядился своими правами, уклонившись от получения корреспонденции, и несёт риск наступления неблагоприятных последствий, вызванных отказом от получения корреспонденции, направленной доверителем по адресу, указанному в соглашении об оказании юридической помощи от 09.03.2024. В связи с этим Квалифкомиссия пришла к обоснованному выводу, что адвокат Н. был надлежащим образом извещён о необходимости при отмене поручения доверителя по его просьбе предоставить отчёт о проделанной работе.

Вместе с тем сведения о требованиях заявителя предоставить какие-либо иные документы, переданные адвокату для оказания юридической помощи С.Е.Ю., отсутствуют.

Квалифкомиссия обоснованно оставила без рассмотрения доводы жалобы о неисполнении адвокатом Н. требований о возврате вознаграждения по соглашению, поскольку рассмотрение данных доводов находится вне компетенции органов самоуправления АП СПб, полномочия которых ограничены в установлении в действии (бездействии) адвоката дисциплинарного проступка.

При таких обстоятельствах Совет АП СПб приходит к выводу о нарушении адвокатом Н. положений подп. 1 п. 1 ст. 7 Закона об адвокатуре, подп. 1 ст. 8, п. 6 ст. 10 КПЭА, выразившемся в том, что при отмене поручения адвокат не предоставил доверителю отчёт о проделанной работе.

3. В отношении дисциплинарных претензий о совершении адвокатом Н. действий, направленных к подрыву доверия, нанесению ущерба авторитету адвокатуры.

Квалифкомиссия констатировала, что действия адвоката Н. при описанных выше обстоятельствах носят умышленный и грубый характер, демонстрируют очевидное пренебрежение правами и законными интересами доверителя С.Е.Ю., а также императивно установленным запретом адвокату оказывать юридическую помощь в условиях конфликта интересов доверителей.

Квалифкомиссия отметила, что совершённые адвокатом Н. нарушения также сопряжены с игнорированием требований законодательства об адвокатской деятельности и КПЭА и повлекли за собой причинение ущерба авторитету адвокатуры.

Профессиональное поведение адвоката Н. явно не соответствует ни критериям добросовестности, ни иным требованиям Закона об адвокатуре и КПЭА.

Кроме того, действия адвоката Н. направлены к подрыву доверия как к нему самому, так и к институту независимой адвокатуры, существование и деятельность которого являются гарантией реализации конституционного права граждан на квалифицированную юридическую помощь (ст. 48 Конституции РФ, постановление Конституционного Суда РФ от 28 января 1997 г. № 2-П).

Правовые гарантии независимости адвоката и адвокатуры обеспечивают самостоятельность адвоката и невмешательство в его профессиональную деятельность. Законодатель максимально гарантировал свободу адвоката в общении с доверителем и в представительстве интересов последнего перед государственными и иными органами и третьими лицами. Зная об этих положениях федерального законодательства, граждане доверяют адвокатам. Адвокат, будучи независимым советником по правовым вопросам и профессиональным юристом, обязан соблюдать требования закона и не вправе использовать средства защиты, противоречащие закону, а также действовать вопреки интересам лиц, обратившихся к ним за юридической помощью.

Эти требования адвокатом Н. также грубо проигнорированы.

В соответствии с п. 2 ст. 5 КПЭА адвокат должен избегать действий, направленных к подрыву доверия к нему или к адвокатуре.

Совокупность изложенных выше обстоятельств позволяет сделать вывод о том, что действия адвоката Н. в ходе оказания юридической помощи доверителю С.Е.Ю. не соотносятся с обязанностью при любых обстоятельствах сохранять честь и достоинство, присущее его профессии и избегать действий, направленных к подрыву доверия к нему или к адвокатуре, содержат признаки недобросовестности и подрывают доверие к нему как к адвокату, в частности, так и институту адвокатуры в целом.

Действия адвоката Н. в этой части Совет АП СПб оценивает как умышленное нарушение п. 2 ст. 5 и подп. 2 ст. 8 КПЭА.

4. В отношении дисциплинарных претензий о мотивировании доверителя к заключению дополнительного соглашения с увеличением размера вознаграждения адвоката Квалифкомиссия верно отметила, что указанные доводы являются декларативными, доказательствами не обоснованы.

В оставшихся доводах также отсутствуют сведения о нарушении адвокатом Н. законодательства об адвокатской деятельности и адвокатуре.

Доводы о невыдаче адвокатом квитанции об оплате вознаграждения по соглашению, заявленные в ходатайстве представителя С.Е.Ю. адвоката Н.А.А. от 12.07.2024, правомерно были оставлены Квалифкомиссией без рассмотрения на основании п. 4 ст. 23 КПЭА.

С учётом изложенного Совет АП СПб признаёт установленной вину адвоката Н. в ненадлежащем исполнении им своих профессиональных обязанностей в указанной выше части дисциплинарных претензий (п.п. 1, 2 и 3).

Как указано в п. 1 ст. 18 КПЭА: *«Нарушение адвокатом требований законодательства об адвокатской деятельности и адвокатуре и настоящего Кодекса, совершенное умышленно или по грубой неосторожности, влечет применение мер дисциплинарной ответственности, предусмотренных законодательством об адвокатской деятельности и адвокатуре и КПЭА».*

Согласно подп. 1 п. 1 ст. 25 КПЭА: *«Совет вправе принять по дисциплинарному производству решение о наличии в действиях (бездействии) адвоката нарушения норм законодательства об адвокатской деятельности и адвокатуре и (или) КПЭА, или о неисполнении (ненадлежащем исполнении) им своих обязанностей перед доверителем или о неисполнении адвокатом решений органов адвокатской палаты и о применении к*

адвокату мер дисциплинарной ответственности, предусмотренных статьей 18 КПЭА».

Избирая в соответствии с требованиями п. 4 ст. 18 КПЭА **меру дисциплинарной ответственности** адвокату Н. за допущенные нарушения, Совет АП СПб учитывает умышленный, грубый и злостный характер нарушений, связанных с оказанием юридической помощи доверителям в условиях конфликта интересов, что свидетельствует об игнорировании адвокатом Н. основополагающих требований Кодекса профессиональной этики адвоката, а также об очевидном пренебрежении им правами и законными интересами заявителя.

Со времени образования адвокатуры нарушение доверия признавалось тяжким проступком для адвоката и влекло за собой строгое наказание вплоть до запрещения практики. Переход на противную сторону считался изменой клиенту. Ещё Плутарх говорил: «Не значит ли это взять два меча из одного склада и выгодно продать их людям, которые намерены перерезать друг другу горло?».

По этой причине указанные нарушения Совет АП СПб признаёт тяжкими.

Отсутствие строгой дисциплинарной ответственности за подобные нарушения может создать у других адвокатов ложное представление о допустимости такого поведения.

Вместе с тем нарушение, связанное с непредоставлением доверителю отчёта о проделанной работе, Совет АП СПб тяжким не считает, поскольку отсутствуют сведения о наступлении для доверителя существенных неблагоприятных последствий.

Также Совет АП СПб принимает во внимание отсутствие у адвоката Н. действующих дисциплинарных взысканий, а также его склонность к критическому осмыслению своего поведения.

При указанных обстоятельствах Совет АП СПб считает необходимым применить к адвокату Н. меру дисциплинарной ответственности в виде **предупреждения**, как в наибольшей степени отвечающую требованию справедливости дисциплинарного разбирательства, предусмотренному п. 3 ст. 19 КПЭА.

На основании изложенного, руководствуясь подп. 9 п. 3 ст. 31 Федерального закона «Об адвокатской деятельности и адвокатуре в Российской Федерации», подп. 1 п. 1 ст. 25, подп. 2 п. 6 ст. 18 Кодекса профессиональной этики адвоката, Совет Адвокатской палаты Санкт-Петербурга **большинством голосов**

решил:

по дисциплинарному производству № признать в бездействии адвоката Н. (регистрационный номер в Едином государственном реестре адвокатов) наличие нарушения требований

(1) подпункта 10 пункта 1 статьи 9 и пункта 1 статьи 11 Кодекса профессиональной этики адвоката;

(2) подпункта 1 пункта 1 статьи 7 Федерального закона «Об адвокатской деятельности и адвокатуре в Российской Федерации», подпункта 1 статьи 8 и пункта 6 статьи 10 Кодекса профессиональной этики адвоката;

(3) пункта 2 статьи 5 и подпункта 2 статьи 8 Кодекса профессиональной этики

адвоката

и применить к нему меру дисциплинарной ответственности в виде **предупреждения.**

Первый вице-президент
Адвокатской палаты Санкт-Петербурга

Саськов К.Ю.